

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна,
кандидат культурологии, доцент кафедры
конституционного и административного права
Северо-Западного института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
(РАНГХиГС, Санкт-Петербург),
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В представленной статье предпринимается комплексное исследование конституционно-правового принуждения, рассматриваемого в качестве детерминированного и транспарентного самостоятельного института современного публичного права. В рамках данной работы последовательно и детально анализируется многоаспектная сущность рассматриваемого феномена, выявляются его специфические классифицирующие признаки, а также обосновывается фундаментальное место данного института в общетеоретической системе правового регулирования. При этом особое внимание в ходе изыскания акцентируется на базисной роли принудительных механизмов в контексте обеспечения долгосрочной устойчивости и незыблемости основ конституционного строя. Также в статье комплексно освещаются вариативные формы практической реализации мер конституционно-правового принуждения, к числу которых следует отнести легитимные ограничения прав и свобод человека, нормативно установленные механизмы конституционной ответственности, а также специфический порядок применения экстраординарных правовых режимов. Также в статье аргументированно раскрывается содержание основополагающих принципов применения данных мер, таких как законность, соразмерность и содержательная обоснованность, при одновременном рассмотрении актуальных проблем их непосредственного внедрения в правоприменительную практику.

На основании проведенного анализа делается резюмирующий вывод о том, что конституционно-правовое принуждение закономерно выступает в качестве имманентного и необходимого элемента эффективного функционирования правового государства, способствуя поддержанию гармоничного баланса между доминирующими публичными интересами и неотчуждаемыми правами личности.

Ключевые слова: конституционное право, публичное право, государственное принуждение, конституционно-правовое принуждение, права и свободы человека, ограничение прав, конституционная ответственность, правовое государство, принцип соразмерности, чрезвычайное положение.

FURMAN Tatyana Gennadyevna,
PhD in Cultural Studies, Associate Professor
of the Department of Constitutional and Administrative Law
at the North-West Institute of Management —
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(RANEPA, St. Petersburg)

CONSTITUTIONAL ENFORCEMENT IN PUBLIC LAW

Annotation. This article provides a comprehensive study of constitutional legal coercion, examined as a determinate and transparent independent institute of modern public law. Within the framework of this research, the multifaceted essence of the phenomenon is consistently and thor-

oroughly analyzed, its specific classifying features are identified, and the fundamental position of this institute within the general theoretical system of legal regulation is substantiated. Particular emphasis is placed on the foundational role of coercive mechanisms in ensuring the long-term stability and inviolability of the foundations of the constitutional order.

Furthermore, the article comprehensively elucidates various forms of the practical implementation of constitutional legal coercion measures, including legitimate restrictions on human rights and freedoms, normatively established mechanisms of constitutional liability, and the specific procedure for applying extraordinary legal regimes.

Moreover, the study provides a reasoned disclosure of the core principles governing the application of these measures-such as legality, proportionality, and substantive validity-while simultaneously addressing contemporary challenges regarding their direct integration into law enforcement practice.

Based on the conducted analysis, the concluding summary posits that constitutional legal coercion naturally serves as an immanent and necessary element for the effective functioning of a state governed by the rule of law, facilitating a harmonious balance between dominant public interests and the inalienable rights of the individual.

Key words: constitutional law, public law, state coercion, constitutional legal coercion, human rights and freedoms, restriction of rights, constitutional liability, rule of law, principle of proportionality, state of emergency.

Введение. В актуальных условиях перманентного совершенствования институтов правовой государственности фундаментальное значение обретает гносеологическая и практическая проблема диалектического соотношения индивидуальной свободы и императивных механизмов государственного регулирования. На современном этапе развития юриспруденции констатируется наличие объективной дихотомии: с одной стороны, положения основного закона постулируют незыблемость прав и свобод человека, в то время как с другой - детерминируют легитимный инструментарий их соразмерного ограничения, обусловленный необходимостью превенции угроз общественному порядку, обеспечения национальной безопасности и поддержания социальной стабильности.

В данном контексте представляется целесообразным подчеркнуть, что категория конституционно-правового принуждения инкорпорирована в систему публичного права как базисный элемент, требующий глубокого концептуального осмысления. В ретроспективном и догматическом аспектах феномен принуждения традиционно атрибутируется преимущественно отраслям административного или уголовного права, однако подобная узкоотраслевая интерпретация представляется методологически недостаточной, поскольку она нивелирует специфику государственно-властного воздействия, детерминированного непосредственно на конституционном уровне. Следовательно, обращение к исследованию природы конституционно-правового принуждения видится не только своевременным, но и теоретически обоснованным шагом, позволяющим восполнить существующие доктринальные лакуны.

Исходя из вышеизложенного, цель настоящей статьи состоит в комплексном выявлении сущностных характеристик, специфических признаков и многообразия форм реализации данного правового феномена, а равно на верификации его функциональной роли в архитектонике современного публичного права.

Основной материал. В первую очередь представляется целесообразным дефинировать содержательные характеристики анализируемой категории, поскольку в рамках современной юридической доктрины принуждение традиционно интерпретируется как специфическая форма государственно-властного воздействия на поведение субъектов правоотношений, детерминированная необходимостью обеспечения режима законности и правопорядка. При этом следует констатировать, что конституционно-правовое принуждение обладает совокупностью специфических атрибутивных признаков, позволяющих дифференцировать его в системе мер государственного воздействия [10].

Прежде всего, нормативная база данного института детерминирована непосредственно текстом основного закона либо логически вытекает из фундаментальных конституционных установлений. Более того, функциональное предназначение рассматриваемого феномена неразрывно сопряжено с превенцией и пресечением посягательств на основы конституционного строя, обеспечением гарантий прав и свобод человека и гражданина, а также с поддержанием стабильного функционирования институтов публичной власти [7].

При этом характерно, что рассматриваемая категория наделена приматом высшей юридиче-

ской силы, что предопределяет её иерархическое превосходство по отношению к иным отраслевым видам государственного принуждения.

Таким образом, обобщая изложенное, конституционно-правовое принуждение допустимо дефинировать как целостную систему нормативно закреплённых и логически обусловленных мер государственного воздействия, направленных на неукоснительную реализацию и охрану конституционных императивов. Необходимо также акцентировать внимание на том, что данная категория характеризуется выраженным комплексным характером, синтезируя в себе политические, правовые и институциональные компоненты воздействия, что продиктовано исключительным статусом конституции как фундаментального акта в правовой системе государства.

При анализе структурной организации публичного права необходимо исходить из того, что данная область регламентирует совокупность общественных отношений, возникающих в процессе реализации императивных властных полномочий государства. В рамках указанной системы конституционное право закономерно занимает фундаментальное положение, поскольку именно оно детерминирует основополагающие принципы построения и функционирования государственного аппарата [8].

В данном контексте конституционно-правовое принуждение следует рассматривать как концептуальный базис всей системы государственного воздействия, выполняющий роль нормативного «каркаса». Оно предопределяет правовые границы и легитимные формы имплементации принудительных мер в иных отраслях правовой системы, включая административное и уголовное право. При этом принципиально важным представляется тезис о том, что конституционно-правовое принуждение не дублирует отраслевые механизмы, а реализует специфическую координирующую и ограничительную функцию [1].

Следовательно, рассматриваемый институт устанавливает пределы допустимого вмешательства публичной власти в сферу защищаемых законом прав и свобод личности. Наряду с вышеизложенным, данный механизм обеспечивает необходимый паритет между публичными и частными интересами, выступая в качестве правового гаранта, исключая возможность произвольного применения силы со стороны государства.

В процессе системного анализа форм реализации конституционно-правового принуждения представляется методологически оправданным выявить и классифицировать ключевые векторы данного правового феномена. Прежде всего, следует обратить внимание на легитимное ограничение прав и свобод человека и гражданина, кото-

рое санкционируется непосредственно Основным законом при наличии строго детерминированных условий, направленных на протекцию основ конституционного строя, общественной нравственности и обеспечения национальной безопасности. В данной связи принципиальное значение приобретает императивное требование соразмерности и нормативной установленности подобных ограничений, что де-факто выступает фундаментальным атрибутом правового государства [4].

Наряду с этим, в структуре государственного принуждения особое место занимает институт конституционно-правовой ответственности высших должностных лиц, выражающийся, в частности, в процедуре отрешения от должности как специфическом механизме обеспечения законности в функционировании публичной власти.

Также, рассматривая архитектуру федеративных отношений, необходимо констатировать наличие мер федеративного воздействия, которые позволяют центральной власти осуществлять интервенцию в сферу компетенции субъектов в случае нарушения ими конституционных императивов, что способствует сохранению территориальной целостности и единства правового пространства [9].

Кроме того, экстраординарным проявлением принудительного потенциала конституции выступает установление специальных правовых режимов, таких как чрезвычайное или военное положение, в рамках которых допускается временная дерогация отдельных прав при условии неукоснительного соблюдения установленных процессуальных регламентов [2]. Таким образом, совокупность вышеуказанных элементов формирует комплексную систему конституционно-правового воздействия, обеспечивающую устойчивость государственно-правового организма [6].

Функционирование рассматриваемого института базируется на совокупности фундаментальных принципов, детерминирующих его правомерность и операциональную эффективность в рамках правового поля. Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на принципе законности, согласно которому любые меры государственного принуждения должны обладать четко выраженной нормативно-правовой основой и в полной мере соответствовать конституционным императивам. Наряду с этим, важнейшее значение приобретает принцип соразмерности, постулирующий необходимость адекватности применяемого инструментария заявленным целям, что исключает выход за пределы объективной необходимости [5].

В данной связи следует также выделить требование обоснованности, подразумевающее реализацию принудительных мер исключительно при

наличии достаточного фактического и юридического базиса, что позволяет нивелировать риск административного произвола. В качестве значимой процессуальной гарантии выступает институт судебного контроля, обеспечивающий право на обжалование действий органов публичной власти в судебном порядке [3].

Следовательно, обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что неукоснительное соблюдение указанных принципов является имплицитным условием обеспечения легитимности государственной власти и устойчивости правовой системы в целом.

Результаты исследования. В практической плоскости реализация мер конституционно-правового принуждения сопряжена с комплексом существенных детерминант и системных сложностей, требующих глубокого теоретического осмысления. Прежде всего, принципиальное значение имеет имманентно присущий данной процедуре риск непропорционального ограничения конституционных прав и свобод граждан под эгидой приоритета обеспечения публичных интересов, что актуализирует проблему поиска баланса между государственным вмешательством и индивидуальной автономией.

Вместе с тем, в условиях турбулентности политических процессов и институциональной нестабильности экстраполируется вероятность девиантного использования механизмов принуждения в качестве инструмента консолидации власти, что вступает в фундаментальное противоречие с аксиологическими основами и базовыми принципами функционирования демократического правового государства. В данном контексте ключевая роль в предотвращении подобных правовых аномалий и злоупотреблений делегируется институту конституционного контроля, поскольку именно органы конституционной юстиции в рамках своих полномочий обеспечивают строгое соответствие нормативно-правовых актов духу и букве Основного закона, выступая тем самым эффективным барьером на пути произвольного и нелегитимного применения репрессивного инструментария.

Однако, наряду с вышеперечисленным, нельзя не учитывать детерминирующее влияние норм международного права, которые посредством имплементации универсальных стандартов защиты прав человека формируют императивные границы государственного усмотрения, существенно лимитируя дискреционные возможности властных субъектов в сфере принудительного воздействия.

Представляется критически важным провести четкое концептуальное разграничение между конституционно-правовым принуждением и аль-

тернативными формами государственного властного воздействия. В отличие от мер административного принуждения, рассматриваемый институт характеризуется более фундаментальным, основополагающим и доктринальным характером. В то время как административно-правовые и уголовно-правовые механизмы традиционно направлены на оперативное реагирование в связи с совершением конкретных деликтов, конституционно-правовое принуждение имманентно ориентировано на стратегическое обеспечение стабильности, целостности и устойчивого функционирования всей национальной правовой системы в целом. Более того, данная категория выступает в качестве базового регулятивного фундамента для последующего формирования и развития отраслевых инструментариев принуждения, детерминируя их содержательные пределы, легитимные рамки и ключевые принципы реализации.

Выводы. В целом, обобщая и резюмируя результаты проведенного научного изыскания, представляется возможным сформулировать ряд обобщающих положений, отражающих сущность и значение рассматриваемого феномена. Прежде всего, следует констатировать, что конституционно-правовое принуждение выступает в качестве автономного и фундаментального института публичного права, характеризующегося наличием уникальных дефинитивных признаков и специфической правовой природой.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что данный инструмент детерминирует стабильность функционирования национальной правовой системы и выступает превалирующим механизмом обеспечения незыблемости основ конституционного строя. Вместе с тем, процесс имплементации мер принудительного воздействия в данной сфере неразрывно сопряжен с императивным соблюдением основополагающих принципов законности, соразмерности и юридической обоснованности, что является квинтэссенцией функционирования правового государства.

В целом, обобщая вышеизложенное, объективным и закономерным представляется вывод о том, что дальнейшая теоретическая разработка доктрины конституционно-правового принуждения является приоритетным вектором современной юридической науки, непосредственно способствующим оптимизации механизмов правовой защиты прав и свобод человека, а также системному укреплению демократических институтов.

Список литературы:

[1] Антонченко, В.В. Легитимное принуждение и право как ресурсы государственного и социального прогресса // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22. № 2. С. 158-172.

[2] Безруков, А.В. Конституционно-правовое принуждение в системе средств обеспечения правопорядка // Современное право. 2022. С. 17-23.

[3] Журавлев, В.В. Принуждение в праве: проблемы теории и практики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. №3. С.27-33.

[4] Кубрин, Е.Е. Понятие, сущность и юридическое содержание конституционно-правового принуждения // Юридический мир. 2022. №3. С.16-19.

[5] Куракин, А.В. Еще раз о законности при применении мер административного принуждения в деятельности полиции // Право и политика. 2023. №12. С.35-46.

[6] Мельников, О. В. К вопросу о сущности государственно-правового принуждения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 45-52.

[7] Радченко, А.А. Принуждение к даче показаний: изменения уголовного закона и проблемы квалификации // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 6. С. 648-657.

[8] Рыженков Р. А. Особенности государственно-правового принуждения в условиях политических режимов // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 136-142.

[9] Суркова, И.С. Конституционно-правовая ответственность в системе конституционно-правового принуждения // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26. №3. С.573-583.

[10] Толстик В. А. Юридическая ответственность и наказание: проблема соотношения // Государство и право. 2023. № 10. С. 149-155.

References:

[1] Antonchenko, V.V. Legitimate coercion and law as resources of state and social progress//Siberian Legal Review. 2025. VOL. 22. № 2. S. 158-172.

[2] Bezrukov, A.V. Constitutional and legal coercion in the system of means of ensuring law and order//Modern law. 2022. S. 17-23.

[3] Zhuravlev, V.V. Coercion in law: problems of theory and practice//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. №3. S.27-33.

[4] Kubrin, E.E. The concept, essence and legal content of constitutional and legal coercion//Legal world. 2022. №3. S.16-19.

[5] Kurakin, A.V. Once again on the legality of the use of administrative coercion measures in the activities of the police//Law and politics. 2023. №12. S.35-46.

[6] Melnikov, O. V. To the question of the essence of state-legal coercion//Issues of state and municipal administration. 2022. № 3. S. 45-52.

[7] Radchenko, A.A. Compulsion to testify: changes in the criminal law and problems of qualification//All-Russian Criminological Journal. 2024. T. 18. № 6. S. 648-657.

[8] Ryzhenkov R. A. Features of state-legal coercion in political regimes//Eurasian advocacy. 2024. № 1 (66). S. 136-142.

[9] Surkova, I.S. Constitutional and Legal Responsibility in the System of Constitutional and Legal Coercion//Academic Legal Journal. 2025. T. 26. №3. P.573-583.

[10] Tolstik V. A. Legal responsibility and punishment: correlation problem//State and law. 2023. № 10. S. 149-155.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.